

миться с экспозицией этого музея. Мы посетили также находящуюся в Вашингтоне библиотеку конгресса. Из Вашингтона наша делегация направилась в Чикаго, где нас принимал проф. Соль Такс. Мы ознакомились с Чикагским музеем естественной истории, его экспозицией и фондами, а затем проехали в Чикагский университет, где осмотрели антропологический отдел, библиотеку университета и музей при Восточном институте университета. Из Чикаго мы направились в Эванстон, где находится Северо-западный университет, и были весьма радушно приняты там проф. М. Херсковидцем. Мы осмотрели и в этом университете отдел антропологии, библиотеку, беседовали с ректором и, кроме того, посетили Эванстонскую высшую школу (соответствующую старшим классам нашей средней школы).

Знакомство с научными учреждениями и постановкой музейного дела в США было очень полезно. Еще до начала работы конгресса мы имели возможность ознакомиться с Американским музеем естественной истории в Нью-Йорке; таким образом, членам нашей делегации удалось посетить четыре крупнейших музея США: этнографические музеи Нью-Йорка, Филадельфии, Вашингтона и Чикаго.

В заключение надо отметить исключительно дружественный прием, оказанный нам со стороны руководства конгресса, в частности, его президента проф. Рейни и всех ведущих этнографов Америки. В честь советской делегации было устроено во время конгресса несколько приемов, и ее участие в заседаниях конгресса специально отметили в своих речах на заключительном обеде старейшие члены и руководители конгресса — профессора А. Кребер и Поль Риве. Нашу делегацию дружелюбно встречали и этнографы Нью-Йорка — проф. В. Стронг, Юниус Берд, Пауль Фейош и многие другие, этнографы Вашингтона — М. В. Стирлинг, Ф. М. Зейлер и др. Особенно следует отметить радушный прием проф. Соль Такс в Чикаго и проф. Херсковица в Эванстоне.

Г. Ф. Дебец, Д. А. Ольдерогге, И. И. Потехин

ПОЕЗДКА В ЧЕХОСЛОВАКИЮ

В сентябре 1956 года автор настоящей статьи и кандидат исторических наук Н. Н. Грацианская выехали в научную командировку в Чехословакию. Наша поездка длилась два месяца. Она преследовала как научно-организационные, так и исследовательские цели. Одной из важных задач, стоявших перед нами, было привлечение этнографов и фольклористов Чехословакии к участию в подготовке к публикации тома «Народы Центральной и Юго-Восточной Европы», входящего в большое серийное издание «Народы мира», осуществляемое Институтом Этнографии АН СССР¹. Мы должны были помочь в организации авторского коллектива в соответствующих институтах Чехословацкой (Прага) и Словацкой (Братислава) академий наук для написания большого раздела тома, посвященного народам Чехословакии, а также обсудить с чешскими и словацкими учеными программу этой коллективной работы, уточнить ее структуру и т. п. Другой существенной задачей нашей поездки было ознакомление с работой и накопленными научными материалами различных этнографических учреждений Чехословакии. Что касается научно-исследовательской работы, то главной целью ее был сбор полевого этнографического материала по типам поселений и жилищ (как старых, так и новых, особенно тех, которые появились в результате строительства социализма) в Словакии и, частично, в Чехии, так как эта тема разрабатывается в Институте этнографии АН СССР Н. Н. Грацианской.

Во время нашего пребывания в Праге, Брно и Братиславе были проведены специальные совещания и консультации с чешскими и словацкими этнографами и фольклористами, на которых были подробно обсуждены и приняты программа работы над разделом «Народы Чехословакии» и его структура. При институтах этнографии Чехословацкой и Словацкой академий наук для выполнения этой важной работы были созданы авторские коллективы, в состав которых вошли крупные специалисты в области этнографии и фольклористики народов Чехословакии (например, акад. Горак, доктора Мяртан, Фойтик, Крамаржик, Странская, Балаш, Ковачевичова и др.). В эти авторские коллективы вошли также молодые специалисты-этнографы, получившие известность своими исследовательскими работами (О. Нагодил, О. Скалниковая, Б. Филова и др.). Следует отметить, что, кроме этнографов и фольклористов, в авторских группах принимают участие такие выдающиеся ученые в области археологии и истории, как, например, акад. Эйснер, проф. Гуса и др. Высококвалифицированный состав авторских коллективов, ясное понимание их участниками ответственности и сложности поставленной задачи, весьма внимательное отношение к этой работе со стороны руководства институтов этнографии Чехословацкой и Словацкой академий наук дают уверенность в том, что ученые Чехословакии, участвующие в подготовке упомянутого тома серии «Народы мира», прекрасно выполняют свою работу и во второй половине 1957 г. соберутся для обсуждения первого варианта намеченных программой работ.

За время поездки мы имели возможность ознакомиться с состоянием работы и научными материалами многих этнографических учреждений Чехословакии. К ним

¹ См. вышедшие в этой серии тома: «Народы Африки», М., 1955; «Народы Сибири», М.—Л., 1956; «Народы Австралии и Океании», М., 1956.

относятся прежде всего Институт этнографии и фольклористики Чехословацкой академии наук в Праге, филиал Института этнографии и фольклористики в Брно, Институт этнографии Словацкой академии наук в Братиславе, Музей общей этнографии им. Напрстка и Этнографический отдел Национального музея в Праге, кафедры этнографии при историко-философском факультете Карлова университета в Праге и философско-историческом факультете Университета им. Коменского в Братиславе и некоторые другие. В краткой отчетной статье, конечно, нет возможности осветить, хотя бы и бегло, работу всех поименованных выше этнографических научных учреждений Чехословакии. Поэтому мы коснемся здесь только некоторых из них, и прежде всего работы академических институтов.

Институт этнографии и фольклористики Чехословацкой АН и его филиал в Брно ведут исследовательскую работу главным образом по двум важнейшим проблемам: по изучению культуры и быта рабочих и по изучению культуры и быта крестьянства Чехии и Моравии. В ближайшее время Институт выпустит в свет две монографии, посвященные культуре и быту рабочих. Из них одна написана по материалам, собранным в промышленной области Кладно, находящейся недалеко от Праги, вторая — по материалам района Росице-Ославан, находящегося надалеко от Брно. Кроме того, намечена к исполнению историко-этнографическая монография «О культуре и быте рабочих Готвальдовой области». В области исследования современности ведется интересная и важная во многих отношениях работа по изучению культуры и быта чешских крестьян-переселенцев в пограничных с Баварией и Силезией областях Чехословакии, которые до второй мировой войны были населены немцами. После освобождения Чехословакии от гитлеровских оккупантов и установления в ней народно-демократического строя, эти пограничные области были возвращены Чехословакии. Немецкое население выехало, и сюда хлынула волна переселенцев из различных районов страны. Этнографы Чехословацкой академии наук ведут работу по изучению культуры и быта различных групп переселенцев и тщательно наблюдают процесс формирования новых, общих для этих областей элементов народной культуры и быта, складывающихся в условиях социалистического строительства. Этими вопросами успешно занимаются молодые этнографы Ф. Ванчик и И. Герольдова.

Наряду с этим ведется тематическое изучение отдельных элементов народного быта и культуры чехов. Я. Крамаржик занимается народным земледелием, В. Шейфлер народными ремеслами, особенно гончарством. Доктор Э. Балаш является выдающимся знатоком народной крестьянской архитектуры и продолжает свои исследования в этой области. В филиале Института этнографии в Брно ведется изучение народной одежды, особенно в различных районах Моравии. Запланирована большая историко-этнографическая монография «Моравская Валахия», выполнение которой поручено группе ученых.

В Институте этнографии Словацкой академии наук работает коллектив молодых этнографов под руководством доктора Мяртана. Здесь также культура и быт словацкого народа изучаются в историческом развитии, и изучению современности придается важное значение. Этнографы и фольклористы Словакии выпустили в свет солидную историко-этнографическую монографию, посвященную характеристике культуры и быта рабочих горного селения Жакаровцы, находящегося в восточной Словакии. В этой монографии рассматриваются вопросы семейных отношений, народной архитектуры, одежды и кулинарии, устного и музыкального фольклора, народных верований и народной медицины. Уделено значительное внимание и сельскохозяйственной деятельности некоторых групп рабочих, рассматриваются навыки и приемы шахтерского труда, что имеет существенное значение, ибо население Жакаровец обладает многовековыми горняцкими традициями. Вопросы культуры и быта рабочих Словакии изучаются этнографами и в других областях и районах страны. Такая работа ведется в Гемере (местность, где проходит словацко-мадьярская этническая граница). Отдельные темы изучаются в области Горной Нитры и в восточной Словакии.

Наряду с этим словацкие этнографы заканчивают вторую большую коллективную работу, посвященную изучению культуры и быта словацкой деревни в период перехода к социализму. Результаты и материалы этого исследования излагаются в подготавливаемой монографии «Горегронье», название которой дано по одной из областей центральной Словакии, расположенной в течении р. Верхнего Грона, где велась полевая исследовательская работа. В этой монографии характеризуются занятия (земледелие и ремесла) словацкого крестьянства изучаемой области, его жилище и хозяйственные постройки, народная одежда, изобразительное искусство, устное и музыкальное творчество и т. д. Ведется в настоящее время и планируется на будущее и работа по этнографическому изучению инационального населения Словакии, например, цыган, венгров, украинцев. Глубоко и разносторонне изучается народная одежда в различных районах Словакии. Одним из результатов этого изучения явился выход в свет в 1956 г. ценной работы С. Ковачевиçовой². Продолжается подготовка к публикации таких работ по отдельным районам.

Краткий обзор работы главных центров этнографической науки в Чехословакии показывает, что чешские и словацкие этнографы и фольклористы заняли в современной этнографии ведущее место в области изучения культуры и быта рабочих. Ин-

² S. Kovačevićová, *L'udový odev v Hornom Liptove*, Bratislava, 1955.

диатива такого изучения и первые опыты его принадлежат советским этнографам, что подчеркивается чешскими и словацкими учеными. Несмотря на то, что советские этнографы продолжают развивать и углублять разработку этой тематики по отдельным районам СССР, следует все же признать, что в Чехословакии исследование этой проблемы приняло более широкий и организованный характер. Изучение культуры и быта рабочих здесь лучше планируется и координируется, к нему привлечено и больше сил.

На этом вопросе следует остановиться несколько подробнее, принимая во внимание научное и практическое значение этой новой для этнографии тематики. Известно, что старая этнография, в частности русская дореволюционная этнография, даже не ставила перед собой задачи этнографического изучения культуры и быта рабочих; она исключала эту тематику, хотя изучением современности этнографы всегда и много занимались. Старая этнография изучала культуру и быт только крестьянства, которые она и принимала за народный быт и культуру. Таким образом, значительная часть населения ряда народностей или наций, которая занималась не земледельческим или промысловым трудом, а трудом в промышленности, исключалась учеными из сферы этнографического изучения. Тем самым в старых этнографических работах искажалась и обеднялась картина народного быта, народной культуры, так как рабочие при таком подходе к науке не входили в понятие «народ». Между тем большие группы населения того или иного народа, занимавшиеся трудом в промышленности, проживавшие в рабочих поселках или занимавшие многочисленные кварталы на окраинах крупных городов, отличавшиеся своеобразным бытом, являлись носителями и представителями национальной культуры своего народа. Эти люди не только рождались, работали и умирали. Они, несмотря на тяжелое экономическое положение при капиталистическом строе, создавали и развивали национальный быт и культуру. У них также существовали определенные обычаи и нравы, были свои радости и горести, надежды и идеалы, которые отражались в устном или письменном творчестве. И все это раньше, как правило, сознательно не изучалось. В настоящее время, в эпоху развития не только естественных, технических, но и гуманитарных наук, такой искусственно суженный профиль этнографического изучения не может быть терпимым. Поэтому новая проблематика, о которой мы сейчас говорим, должна привлечь внимание этнографов, и ошибки прошлого в этом отношении должны быть исправлены. Конечно, этнография имеет прочные традиции и накопила огромный фактический материал на основе полевых исследований народной культуры и быта именно в крестьянской среде. Тем неотложнее становится задача накопления фактического материала и по этнографическому изучению культуры и быта рабочих, по разработке методов и приемов собирательской, полевой, и исследовательской работы по данной теме. В свете изложенного опыт изучения культуры и быта рабочих, приобретенный этнографами Чехословакии, и собранный ими фактический материал имеет существенное значение и для этнографов других стран. В этой связи мы кратко остановимся на специальном совещании этнографов и фольклористов Чехословакии. Совещание происходило 22—24 октября в Доме научных работников Словацкой академии наук в Смоленицах, в живописных окрестностях Братиславы. Оно было создано институтами этнографии Словацкой и Чехословацкой академий и преследовало цель не только обсудить в рабочем порядке опыт изучения культуры и быта рабочих, накопленный в течение ряда лет тремя авторскими коллективами, но и обменяться мнениями по наиболее трудным или спорным вопросам тематики и методики исследования. На совещании, кроме этнографов и фольклористов, были представлены историки, социологи, а также зарубежные этнографы и фольклористы (из СССР, Польши и Венгрии).

Совещание открылось докладами, в которых излагался опыт работы этнографов и фольклористов Чехословакии по изучению рабочего быта. От Института этнографии и фольклористики Чехословацкой академии наук (Прага) выступили с докладами: О. Скалникова («Об изучении культуры и быта рабочих Кладненской промышленной области») и Я. Ех («О фольклорной работе в промышленной области Кладно»). От филиала этого Института (Брно) выступили К. Фойтик («Об этнографическом изучении рабочих в районе Росице-Ославан») и О. Сыроватка («О горняцком фольклоре Росице-Ославан»). От Института этнографии Словацкой академии наук были прочитаны доклады: Б. Филовой («Об опыте и проблемах изучения культуры и быта рабочих в Словакии») и С. Бурласовой («О фольклоре рабочих в Словакии»). В докладе О. Скалниковой говорилось, что монография явилась для этнографов, изучавших культуру и быт рабочих Кладненской промышленной области, первоначальным типом исследования, за которым должны последовать тематические публикации. О. Скалникова подчеркнула необходимость исторического подхода к изучаемым явлениям и выявления специфики, отличающей культуру и быт рабочих от культуры и быта крестьянского населения этой области. Было обращено внимание и на то, что этнографам пришлось изучать некоторые вопросы, относящиеся к компетенции историков, — например, вопросы формирования рабочего класса в этой области, историю рабочего движения и т. п., без изучения которых невозможно исследовать и правильно характеризовать многие явления в культуре и быте рабочих. Это пришлось сделать потому, что историки не занимаются изучением перечисленных вопросов по отдельным областям.

В докладе К. Фойтика тоже проводилась мысль о необходимости сравнительного изучения культуры и быта рабочих и культуры и быта местного крестьянства, а также экономической истории данной области. Докладчик развил тезис о том, что изучать культуру и быт рабочих нельзя без изучения процесса формирования рабочего класса в данной области, что этнограф должен пользоваться результатами исследовательской работы не только историков, но и экономистов и статистиков. К. Фойтик призвал этнографов, наряду с сборанием полевого этнографического материала, также к изучению историко-архивных источников, содержащих нередко ценнейшие этнографические факты и материалы. Докладчик пришел к выводу, что изменения в культуре и быте чехов в области Росице-Ославан появились в то время, когда рабочие, проживавшие в промышленных центрах, полностью лишились своих мелких земледельческих хозяйств, с которыми они долго были связаны. Это отразилось на всех сторонах их культуры и быта (жилище, пища, народный календарь, семейная жизнь, идеология и т. д.). Сложившиеся в среде рабочих новые формы культуры и быта стали оказывать постепенно влияние и на культуру и быт мелкого крестьянства этой области. В докладе Б. Филовой намечены три категории этнографических исследований культуры и быта, рабочих в тесной связи с историей формирования рабочего класса в Словакии. Наиболее ранняя местная форма культуры и быта рабочих наблюдается в таких селениях Словакии, в которых рабочие группировались вокруг небольших, преимущественно деревенских промышленных предприятий. Следующую категорию составляют культура и быт рабочих крупных промышленных центров, где прочно сложился и определился городской пролетариат. Наконец, особую категорию для изучения составляют большие новые группы рабочих, сформировавшиеся впервые в период социалистической индустриализации. В докладе Б. Филовой были намечены ближайшие задачи в изучении культуры и быта рабочих всех трех указанных выше категорий, состоящие в первую очередь в расширении районов исследования. Автор доклада остановился и на вопросах методики изучения культуры и быта рабочих.

По всем зачитанным докладом состоялась оживленная дискуссия, в которой приняли участие и зарубежные гости, в том числе и мы, представлявшие на этом совещании советских этнографов. Выступавшие единодушно одобрили работу, проделанную чешскими и словацкими этнографами и фольклористами, и поддержали основные тезисы докладчиков. Отмечалась необходимость не только выявлять при изучении культуры и быта рабочих различие и сходство с культурой и бытом крестьянства, но и характеризовать этническую или национальную специфику изучаемых явлений. Было подчеркнуто и различие задач этнографов, историков и экономистов в отношении обсуждаемой проблемы. Некоторые выступавшие указывали, что историки изучают рабочих прежде всего как определенную социальную категорию, как рабочий класс. Они изучают вопросы формирования рабочего класса, его общественных и политических организаций, изучают рабочее движение, экономическую и политическую борьбу рабочего класса с эксплуататорами. Историки и экономисты изучают производственные отношения и экономику промышленного производства. Наряду с этим говорилось и о том, что этнографы при четком разграничении исследовательских задач должны вести изучение культуры и быта рабочих в тесном контакте с историками и экономистами, ибо без знания фактов и без анализа таких вопросов, как формирование рабочего класса и его политических и общественных организаций, без учета влияния политических партий на мировоззрение рабочих, без знания техники и экономики того или иного вида промышленности, в котором заняты рабочие, этнографическое изучение не может дать необходимых научных результатов. Обращалось внимание и на ряд вопросов, в которых этнограф близко соприкасается с историками и экономистами. Этнограф, например, не изучает экономики промышленного предприятия, экономики производства, но он изучает экономическое положение рабочего, его ссмы. Этнограф, как правило, не изучает непосредственно историю рабочих партий, политических организаций, однако он изучает влияние этих партий на мировоззрение рабочего, его идеологию и т. д. Совещание в Смоленицах, несомненно, принесло большую пользу для исследования культуры и быта рабочих в целом, для разработки проблемы, в которой этнографы и фольклористы заняли ведущее место и получили наиболее интересные результаты.

Для осуществления научно-исследовательских задач, поставленных перед нами, мы получили возможность, благодаря помощи и исклчительно благожелательному отношению к нам со стороны руководства и всех сотрудников упомянутых выше этнографических учреждений Чехословакии, совершить ряд поездок по стране. Эти поездки протекали совместно с этнографами Чехословацкой и Словацкой академий наук, были прекрасно организованы и дали нам обильный этнографический материал. Ввиду того, что на эту тему будет опубликована специальная статья Н. Н. Грацианской, я в своем общем отчете упомяну только о маршрутах этих поездок. Специальные поездки были совершены по Чехии, по Чешско-Моравской возвышенности, по Валахии и Моравской Словакии, затем по центральному, западному и южным областям Словакии. Маршруты этих поездок были следующие.

1) Прага — Добржиш — Вотице — Табор — Собеслав — Чешске Будевце — Чешски Крумлев — Пясек — Прага. Мы ознакомились с многими селениями, причем главное внимание было обращено на тип поселений, формы и конструкцию различных видов крестьянских жилищ и построек, как старинных, так и современных, принятых

в строительстве поселков сельскохозяйственных кооперативов. На пути следования по этому маршруту нами были подробно осмотрены местные городские и районные краеведческие музеи, в большинстве которых имеются этнографические отделы. В г. Табор мы посетили также музей, посвященный гуситскому движению и его вождю Яну Гусу.

2) Прага — Пильзень — Горшовски Тын — Домажлице — Клатовы — Сушице — Пршибрам — Прага. Мы побывали у интересной в этнографическом отношении группы чехов, так называемых «ходов». Под этим наименованием известно население группы деревень на юго-западной (баварской) границе Чехословакии. Это — чешские крестьяне, обязанностью которых являлась в свое время охрана государственной границы и пограничных лесов, принадлежавших чешским королям. Название этой группы чехов произошло от того, что они обязаны были с оружием ходить вдоль границы. Ходы в старину пользовались особыми правами и привилегиями, — например, подчинялись непосредственно чешскому королю, и на них долгое время не распространялось крепостное право. У них был особый местный суд и они имели право носить оружие. Это положение ходов изменилось после 1620 г., когда Чехия утратила свою национальную независимость, а ходы были проданы крупному феодалу Ламмингеру. В течение XVII в. ходы все время вели борьбу за свое освобождение, причем наиболее важным и ярким этапом этой борьбы было восстание ходов в 1693 г. под руководством Яна Козины, память о котором жива до сего времени и нашла отражение в устном народном творчестве.

Мы также подробно осмотрели многие музеи, в том числе и такие крупные, как в гор. Пильзень и Клатовы.

3) Прага — Кутна Гора — Качина — Хрудим — Литомышль — Поличка — Ждяр — Брно. Нам посчастливилось осмотреть в хорошую погоду выдающиеся архитектурные памятники старинного горняцкого города Кутна Гора, где поразительна по своей красоте так называемая чешская готика. В этом городе находится знаменитый храм св. Варвары с великолепными древними фресками бытового этнографического содержания, с чудесными произведениями художественной резьбы по дереву и т. д. Мы посетили находящийся поблизости Музей земледелия, занимающий изумительный по красоте замок в стиле классического ампира, где ознакомились с народной сельскохозяйственной техникой. В Литомышле нам удалось видеть дом, где некоторое время жил и творил знаменитый чешский композитор Сметана, и осмотреть музей, носящий его имя. Посетили мы и музей в г. Поличка с его огромной коллекцией изделий чешских мастеров из стекла, заглянули в музей-замок, расположенный на окраине г. Ждяр, в саду которого недавно производились интересные археологические раскопки.

4) Брно — Валашки Мезиржицы — Готвальдов — Угерске Градище — Веселе над Моравой — Годонин — Брно. Этот маршрут дал нам возможность получить представление о Моравии, Валахии и Моравской Словакии. Здесь нами интенсивно велась собирательская работа: сбор полевого материала по типам селений, жилым и хозяйственным постройкам. Из осмотренных музеев необходимо упомянуть о валашском «Музее на воздухе», расположенном в парке на окраине г. Рожнова. Музей основан в 1925 г. Здесь находится ряд деревянных построек XVII в., перенесенных сюда с площади г. Рожнова (трактир, городская ратуша, дом горожанина, дом старосты и др.). В г. Угерске Градище мы подробно ознакомились с экспозицией краеведческого музея, посвященной истории, культуре и быту населения Моравской Словакии.

5) Брно — Росице-Ославаны — Брно. Маршрут был совершен для ознакомления с районом, в котором этнографы г. Брно изучали материал и подготовили монографию на тему «Культура и быт рабочих Росице-Ославан».

6) Братислава — Трнава — Нитра — Злате Моравце — Зволен — Баньска Быстрица — Турчанске Теплице — Мартин — Ружомберок — Липтовски Микулаш — Попрад — Жилина — Пухов — Тренчин — Пештяны — Братислава. Маршрут был обзорным, имея целью ознакомление с центральной и частично северной Словакией, однако дал прекрасный материал по старинному народному жилищу, особенно в селе Гомбаш, где сохранилось много крестьянских «длинных домов». Из музеев особенно выделяется по богатству своих собраний и оборудованию Словацкий Национальный музей в г. Мартине.

7) Братислава — Сенец — Галанта — Шала — Нове Замки — Братислава.

8) Братислава — Пезинок — Словенски Гроб — Модра — Братислава.

9) Братислава — Трнава — Мийява — Малацки — Братислава. Три последних маршрута преследовали чисто исследовательскую цель. Ознакомление со словацкими (частично и венгерскими) селениями сопровождалось фотографированием и обмерами отдельных дворов и построек, как старых, так и новых, с выявлением типов конструкций и деталей народной архитектуры жилых и хозяйственных построек, их внутренней планировки и описанием их использования. Кстати сказать, такого рода материал собирался и в ряде архивов некоторых научных учреждений Чехословакии (например, в архивах Института этнографии и фольклористики Чехословацкой Академии наук, Института этнографии и Института по охране памятников Словацкой академии наук).

Существенным звеном в цепи этнографических учреждений страны являются музеи — как специально этнографические, так и этнографические отделы краеведческих местных (городских и районных) музеев. Мы скажем здесь кратко только о некоторых наиболее крупных этнографических музеях или этнографических отделах, имея в виду дать специальную статью на эту тему, где попытаемся описать несколько шире иссле-

довательскую деятельность, собранные материалы и всю этнографическую музейную работу.

Прежде всего следует упомянуть о Музее общей этнографии им. Напрстка в Праге, основанном в начале 60-х годов XIX в., главным образом усилиями чешских путешественников, зарубежные экспедиции которых финансировались большей частью Напрстком. В комплектовании этого музея принимали участие не только путешественники, но и другие чехи, проживавшие за границей. В музее накоплено свыше 30 тыс. экспонатов. В его коллекциях представлены быт и культура народов Китая, Тибета, Японии, Индии и Индонезии, Северной и Южной Африки, а также Центральной Америки, Австралии и Океании и других стран. Собрания Голуба, Фрича, Фейстмантеля, Ст. Врза и многих других известных путешественников (в том числе и самого Напрстка, посетившего североамериканских индейцев и Канаду) не только дают возможность развернуть экспозицию, но и служат материалом для научно-исследовательской работы по различным вопросам этнографии народов мира. Большинство экспонатов хранится, однако, в фондах. Лишь многочисленные и весьма ценные памятники культуры народов Китая выставлены в большом зале в систематическом порядке. В этой своеобразной экспозиции, представляющей собой скорее хорошо систематизированное хранилище, весьма удобное для научно-исследовательских целей, вещи расположены в хронологическом порядке по династиям (Чжоу, Хань, Вэй, Тан, Сун, Мин и т. д.). В пределах той или иной династии вещи, как правило, разложены по роду материала: бронза, дерево, керамика и др. и внутри этой категории — по однородности предметов, например, статуэтки, вазы, чайники. Материалы эти снабжены этикетками, дающими точное представление о выставленных предметах. Наряду с этим в музее имеется и другой род экспозиции, имеющий широкое просветительное значение и являющийся более доступным и доходчивым для массового посетителя. Такова выставка «Неведомый Тибет». Несмотря на то, что эта экспозиция построена главным образом на фотоматериале (но сделанном прекрасно и в больших размерах), а подлинные вещи (преимущественно предметы культа) только вкраплены, — она смотрится легко и с большим интересом и дает представление не только о старом быте тибетцев, но и о новой, современной жизни тибетского населения, о больших преобразованиях, достигнутых на пути демократизации страны. Сенсационными являются некоторые уникальные цветные фотографии, представляющие собой цветное воспроизведение настенной художественной росписи во дворце и храмах резиденции далай-ламы. Чешские кинематографисты, кинорежиссер В. Сас и оператор И. Ваниш, первыми из европейцев получили доступ в покои и храмы дворца далай-ламы — Поталы, построенного на горе, на высоте почти 4000 метров над уровнем моря. Усилиям и мастерству этих деятелей чешской культуры пражский Этнографический музей обязан открытием этой экспозиции. Крупнейшим этнографическим музеем Чехословакии является Этнографический отдел пражского Национального музея. В нем хранится свыше 135 тысяч экспонатов, подавляющее большинство которых характеризует народный быт и культуру различных районов Чехословакии. В этом музее имеются также предметы, относящиеся к культуре и быту различных славянских народов. Основой этнографических коллекций музея является народная одежда и керамика. Наряду с этим имеются экспонаты по народной мебели, утвари и т. д. Экспозиция музея начинает перестраиваться. Старая экспозиция с ормальным и сугубо вещеведческим показом предметов еще преобладает, но по районам запада и юга Чехии появилась новая экспозиция, построенная также на вещевом материале, но пытающаяся дать посетителю представление о развитии и прогрессе народной культуры и быта в связи с изменившимися социальными условиями жизни. В новую экспозицию включено много интересных материалов о ходах, в том числе об их истории. Музей располагает обширными фондами экспонатов, хранящихся, однако, в малоприспособленном помещении, и специальной библиотекой, в которой собираю вся этнографическая литература по Чехии и Словакии. В музее ведется научно-исследовательская работа, значительная часть коллекции по народной одежде уже опубликована. Другим крупным этнографическим музеем нужно признать Этнографический отдел Моравского музея, в котором хранится свыше 75 тысяч экспонатов. Подавляющее большинство их характеризует народный быт населения Моравии, и только около 10 процентов всего количества предметов относится к населению запада Словакии. Можно лишь выразить недоумение по поводу того, что этот большой и хорошо организованный музей, с прекрасно налаженным хранением и учетом экспонатов, имеющий богатую экспозицию, специальную библиотеку и архив, является не самостоятельным этнографическим музеем, а существует на правах отдела Моравского краеведческого музея в Брно. В этом отделе музея налажена публикация материалов и статей и ведется лучшая и самая полная во всей Чехословакии библиографическая работа, результаты которой также частично опубликованы и получили общее признание³. Этнографический отдел Моравского музея — это по существу большой самостоятельный этнографический музей Чехословакии, но организационно не оформленный.

На правах отдела существует также большой этнографический музей в г. Мартине, входящий в состав Словацкого национального музея. Можно только приветствовать имеющийся проект превращения этого музея в Центральный этнографический

³ L. Kunz, *Česká etnografie a folkloristika v letech 1945—1952*, Praha, 1954.

музей Словакии, базой которого станут этнографические коллекции, насчитывающие около 45 тысяч экспонатов, и богатый археологический материал. Среди этнографических экспонатов здесь находится около 20 тысяч предметов красочной народной керамики и много предметов крестьянского и городского быта словаков, отражающих этнографические особенности населения различных районов страны и характеризующих быт не только земледельцев, но и пастухов-скотоводов, дровосеков, сплавщиков леса, красильщиков и др. В больших залах многоэтажного здания музея развернута экспозиция, насыщенная ценнейшими памятниками народной культуры словаков. Этот музей — огромный источник превосходно документированного вещевого материала, из которого этнографы, историки, археологи и фольклористы еще долго будут черпать данные для своих исследований. В музее г. Мартина собрано национальное достояние огромной ценности, и остается только пожелать, чтобы работники музея шире и лучше его использовали, приступив к осуществлению проектов нового типа экспозиции. На базе этого музея может быть широко развернута научно-просветительная работа.

Должен быть еще упомянут этнографический отдел Словацкого краеведческого музея в Братиславе. Этнографический материал в экспозиции и в фондах (депозитарий) этого музея пока еще невелик, но здесь ведется важная и ценная работа по собиранию этнографических коллекций. Музей получает для этой цели ежегодно значительные средства.

Мы не имеем возможности в настоящей статье сказать об этнографических отделах таких больших краеведческих музеев как в г. Пильзене или г. Клатовы, где в силу трудного положения со штатами и с финансированием этнографическая работа весьма запущена.

Мы не останавливаемся также на некоторых более мелких, но очень интересных этнографических отделах (например, в музее г. Домажлице, где сохранились экспонаты, собранные для этнографической выставки 1895 г. в Праге), так как этому сюжету тоже будет отведено место в специальной статье. Там мы попытаемся охарактеризовать и общее положение этнографических музеев и этнографических отделов в краеведческих музеях, которое, кстати сказать, нельзя признать удовлетворительным.

Мы должны отметить еще, что во время поездки нам удалось при содействии некоторых местных ученых получить обширную библиографию по материальной культуре чешского и словацкого народов. Кроме того, мною по просьбе некоторых научных учреждений и отдельных ученых был прочитан ряд лекций и докладов в Праге (на историко-философском факультете Карлова университета, в Обществе по распространению научных и культурных знаний и в Институте востоковедения Чехословацкой академии наук).

Во время нашего пребывания в Чехословакии мы систематически давали консультации научным работникам по вопросам методики и организации этнографических исследований, по музейному делу. Однако и мы сами широко пользовались различными консультациями и советами ученых Чехословакии. Мы с чувством большой признательности отмечаем, что выполнением возложенных на нас поручений мы обязаны прежде всего внимательному и дружескому отношению к нам со стороны руководителей и сотрудников тех научных учреждений, с которыми нам приходилось иметь дело. Стремление к тесному сотрудничеству с советскими научными учреждениями и отдельными учеными со стороны работников науки Чехословакии выступает весьма ярко. Развивающееся сотрудничество между этнографическими научными учреждениями СССР и Чехословакии несомненно является ценным вкладом в дело укрепления научно-культурных связей между нашими странами.

Л. П. Поганов

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ РАБОТА В ФЕДЕРАТИВНОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ЮГОСЛАВИИ

ХОРВАТИЯ

В предыдущем очерке¹ мы останавливались на основных чертах этнографической работы в Сербии. Настоящая информация имеет целью ознакомить советского читателя с основными направлениями этнографической работы в послевоенные годы на территории другой республики Югославии — Хорватии².

Хорватия до второй мировой войны располагала значительными этнографическими центрами в составе Югославской академии наук и искусств, Загребского университета, крупнейших музеев. Все они относительно мало пострадали во время войны, что дало им возможность частично продолжать свою работу и в военные годы, публикуя собранные до войны материалы. Этнографический музей в Загребе опубликовал тт. 3 и 4

¹ «Советская этнография», 1956, № 1.

² Работы хорватских ученых, опубликованные в других республиках Югославии, будут освещены в очерках, посвященных этнографической работе соответствующей республики.